

Эзотерическое прочтение Мустая Карима

Одной из общетеоретических проблем современных гуманитарных наук является проблема понимания текста, его языка. Исследованием данного направления занимаются не только литературоведы, фольклористы, но и специалисты по теории языка, философы, искусствоведы и др. Актуальность проблемы порождает и исследовательский поиск. Так, Н.Ф.Крюкова подчёркивает особую роль метафоры: "...Рефлексия лежит в основе процессов понимания текста. Такая фигура речи, как метафора, легче и быстрее других фигур "пробуждает", стимулирует рефлексивные процессы и поэтому представляет собой эффективнейшее средство понимания содержательности текста" [7; 9]. В современной науке исследователи активно обращаются и к герменевтике. Например, в российском литературоведческом пространстве представители Тверской герменевтической школы активно разрабатывают проблемы понимания текстов [5]. Е.З.Имаева рассматривает в качестве одного из "правил" чтения текста пространственный подход и ведёт речь о пространстве созерцания, непосредственно имеющего отношение к пониманию и интерпретации текста. Выделяя в литературных текстах с неявным смыслом внутреннее пространство, она подчёркивает его очевидность, вливающую "...в нашу душу некую духовную энергию" [5; 68] и др.

В данном свете мы поднимаем также и проблему понимания феномена Мустая Карима и его произведений. Опираясь на его дневниковые записи, произведения, работы исследователей [3, 19, 20 и др.] выделяем, с точки зрения интерпретации текстов, такую особенность, как эзотеричность.

Термин "эзотерика" подразумевает разные значения. Эзотерикой часто называют системы внутреннего развития, которые помогают человеку раскрыть свой безграничный потенциал, достичь гармонии и равновесия в своей жизни. Развитие современного общества сильно повлияло на распределение духовного и эзотерического знания. Если раньше искатель должен был отправляться в далёкие странствия, чтобы встретить духовного наставника, изучить практики и получить знания (например, Зайнулла Расулев — последователь учения Накшбандии), то теперь доступность источников позволяет каждому заниматься духовным самосовершенствованием. Поэтому под термином "эзотерика" мы понимаем процесс познания окружающего мира и бытия, познание самого себя как части целого. Человек через духовное созерцание и самосовершенствование приходит к утончённому восприятию окружающего мира, прозрению и способности понять и объяснить материальный мир. Это, в свою очередь, позволяет ему изменить себя, своё поведение в соответствии с миропорядком. Применительно к жизни и к текстам Мустая Карима, на наш взгляд, ореол эзотеричности налицо. Опыт созерцания действительности Мустая Карима — духовная школа для всех нас. В башкирском литературоведении такое освещение проводится впервые, поэтому данная статья — попытка представить некоторые моменты эзотерической интерпретации жизни и творчества Мустая Карима.

Тонкие духовные качества Мустая Карима, сила мысли, умение глубоко “успокоить” разум — эзотерические качества, которые привлекают читателей и вызывают интерес к самому писателю. Ярким примером может послужить и письмо женщины с Дальнего Востока, лично адресованное Мустаю Кариму: “...У меня в жизни сложилась такая ситуация, что окончательно решила уйти из жизни. Утром пришла “Роман-газета”. Я её выписываю. Начала перелистывать вашу повесть “Долгое-долгое детство”. Понемногу увлеклась. “Ладно, говорю, завтра уйду”. Завтра тоже не ушла. Дочитала. И решила остаться на этом свете...” [17; 72—73]. Уместно привести здесь и высказывание А.П.Филиппова: “Когда мудрый человек, тем более наделённый талантом писателя, будь то аварец, башкир, татарин или киргиз, разговаривает со своим народом, читателю, тем не менее, кажется, что мудрец говорит с целым миром, душа его, как и слово, открыта настезь всем вместе и каждому по отдельности” [3; 4]. Эзотеричность пронизывает и сам творческий процесс. Здесь, опять же, уместно суждение А.П.Филиппова о том, что “...Дух творчества не ведаёт ни времени, ни пространства. Поэт интуитивно ищет то, чего... не знает, но он знает, что найдёт. И потому ищут другие — читатели, учёные. Они ищут в каждом произведении смысл, вековую мудрость народа, прошедшую через сердце поэта” [3; 6]. Сам же Мустай Карим говорил: “...Желание моё, чтобы вчитывались в мои книги” [17; 72]. Беседуя с корреспондентом, он рассуждает:

— Идея книги (“Мгновения жизни”. — **Н.С.**) родилась в обстановке, когда обесценилось всё: не только жизнь, но и смерть... Как можно остаться верным ценностям жизни, когда всё вокруг замутилось? А надо остаться. Моё богатство — накопившиеся за 60—70 лет воспоминания о людях. В книге нет никаких открытий... Тем не менее, я её называю книгой чудес. Моя опора — удивительное в жизни” [11]. Поэтому мы соглашаемся с В.Е.Хализевым, что интерпретация произведений, высказываний “...устремлена и к постижению, и к “досотворению” понимаемого” [18; 129]. И одним из способов прочтения текстов, на наш взгляд, является стремление к пониманию их эзотеричности не только как художественного элемента, но и как сущности, свойственной для внутреннего мира самого писателя. Если наличие текстов, высказываний, поступков и др. — это материальное воплощение мыслей, то смысл, порождаемый ими, — это духовное, эзотерическое. Здесь уместно упомянуть и о различных выразительных средствах и стилях языка, например, о приёме параллелизма, который помогает объяснять через материально-духовную совмещённость образов окружающий мир [15; 81—131].

Наблюдения эзотерических особенностей прослеживаются уже с детских лет Мустафы Сафича. Обратимся к его воспоминаниям: “Вот песня. Всю мою жизнь песня сердце моё потрясала, дух завораживала. Страстям моим и печалям мерой была она... Господь ни голоса, ни музыкального слуха мне не дал, но душу глухой не оставил. Она слышит” [10; 31].

Влияние звука и песни на человека — это не только явление физики, психологии, психолингвистики, фольклора, музыки и др., но ещё и эзотеричное явление. Особенно когда речь заходит о таком понятии как “мон” (башк.: моң — мелодия, напев), которое сложно перевести на другие языки [2; 241—242]. Ещё восьмилетним мальчишкой он понял, что в его душе “поселилась” песня и мон, когда услышал народную песню “Ашкадар” из уст будущей невестки Зубаржат. Здесь мы можем наблюдать процесс влияния песни на духовно-физиологическое

состояние Мустафы, а также и самой Зубаржат. Фраза “С этого вечера в моей душе поселилась песня”, на наш взгляд, отмечает время, когда Вселенная через звуки песни, как магнитом, притянула будущего поэта к тем энергетическим слоям, которые в дальнейшем и подпитывали его духовное состояние. Не случайно он потом запишет: “В начале было слово”, — говорится в Библии. А ведь ещё раньше был звук, выражающий мысль...” [17; 71]. Эзотеричность жизненных ситуаций проглядывается и через фразу “Когда возвращались обратно, брат мой показался очень грустным...” и наводит на беспокойные чувства. Чуткая душа Мустафы уже реагировала на будущие трагические обстоятельства своих близких: когда весной Зубаржат пошла к проруби за водой, лёд треснул, и она ушла под воду. У Муртазы также жизнь была недолгой. Так, песня “Ашкадар” “унесла” из жизни Зубаржат и повлияла на близкое окружение. История песни связана с реальными событиями [1; 268—270]. Зубаржат же, исполняя песню на посиделках, вложила в неё душу, окружающие слушали её с восторгом, как бы заново переживая события песни. Энергетическая сила эмоциональных переживаний была направлена и настроена на исполнительницу, которая впитала в себя не только трагичность ситуации, обрисованной в песне, но и силу эмоций слушающих, открывая тем самым путь для нежелательных каналов. Эзотеричному объяснению такой жизненной ситуации созвучна и народная примета, когда не рекомендуется петь после захода солнца.

Вспоминая военные годы, Мустай Карим признаётся: “...на войне я впервые постиг потрясающую суть своей родной песни об Урале...” [10]. Психологический стресс, тоска по родине и близким, по мирной жизни помогли понять и осмыслить через народную песню “Урал” суть, смысл жизни. Песни каждого народа — это звуковая энергетическая информация, магнетически притягивающая к родной земле, где бы она ни звучала [14].

Исследователь И.И.Валеев обращает также внимание на роль народных песен в творчестве Мустая Карима. Он “видит” эзотеричность, например, в стихотворении “Эту песню мать мне пела”: “...читатель улавливает невидимую нить между прошлым и будущим...” [3; 67]. Г.Ф.Кутлумухаметова, говоря о роли звука на человека, пишет, что: “...каждый гласный и согласный звук родного языка обладает собственным особым воздействием... Одни слова обладают силой воздействия вследствие своего значения, другие — из-за тех вибраций, которые производят, третьи же — по причине своего влияния на различные центры. Есть слова, отражающиеся эхом в сердце, и есть слова, отражающиеся в голове. А третьи имеют власть над телом...” [6; 231]. Вслед за ней Д.М.Яппарова также утверждает, что “музыка — это, прежде всего, вибрации. А человек — это живая клетка, вода. Любая вибрация, воздействуя на воду, приводит её в движение....” [21; 230—231]. Исходя из этого, мы считаем, что одним из объяснений трагической судьбы Зубаржат и, в дальнейшем, Муртазы является попадание в те нежелательные вибрации, которые и “завладели телом”.

Показательна также в жизни Мустая Карима и роль еще одной народной песни: “...“Бейеш” моя песня, собственная. И кто бы где бы ни запел её, звучит она для меня одного...” [10; 51—52]. Хотя Мустаю Кариму приходилось слышать эту песню и раньше, она не была ему близка так, как на вершине горы Иремель. Чтобы песня дошла до души, нужны определенные обстоятельства (например, стресс во время войны) или конкретное местонахождение (например, на горе). Песню “Бейеш” пела жена Мустая Карима Рауза. Она выучила её по радио,

когда Мустай Карим лежал в московской больнице. Пела и плакала, думая о нём [17; 48]. Эзотеричность момента мы видим в том, что эта песня, независимо от расстояния, как молитва, своими звуковыми вибрациями и частотами “окутывала” больного Мустая Карима, соединяла их вместе, через “песенный канал” в сопровождении чистых слёз. Сила её мысли, любви и тоски, подкреплённые песней, помогли поэту встать на ноги. Когда же они оказались вместе на вершине Иремели, она, переполняясь радостью и благодарностью, снова запела песню. “Трели голубой пташки на скале овладевают моим разумом, отделяя от земли, возносят мой дух к небесам...” [17; 48]. Перед нами раскрывается красивая эзотеричная картина и мы приходим к выводу, что это — любовь! Любовь к близкому человеку, к земле, к мирозданию вообще. Рауза ханум своим женским чутьём “удостоверилась” в счастье и соединила воедино для себя все перепетии женской любви, заботы и благодарности к Вселенной за это счастье.

Роль женской интуиции и духовной эзотерической силы можно почерпнуть и в воспоминаниях Мустая Карима о матери: “...Мне рассказывали потом, что когда я был на фронте, моя состарившаяся мать в январские метели всегда представляла меня идущим против жгучего ветра... Она выходила в степь и долго-долго шла против ветра и радостно восклицала: “Выдюжит, выдюжит, он же мною мужчиной рождён!...” [9; 28]. Мустая Карима на протяжении его жизни оберегали Старшая мать, Младшая мать, Рауза. Не случайно, поэт в своём творчестве признаётся, что:

“Три чуда пленили меня навсегда, без сомненья:
Земля, ещё небо и женщина — третье чудо.
Три тайны ввергают
В раздумье меня и смятенье:
Земля, ещё небо и женщина — третья тайна.
Но тайна земли вот уже на исходе...
Сдаётся —
И небо мелеет,
И дно уже видно его.
Лишь женщина
Тайной
непознанною остаётся
навек — как высшее чудо
и как волшебство” [13; 16].

Поэт признаётся в том, что хорошие лошади и знатные женщины рождены из одного духа, что есть такие женщины, которые родились из священного огня [10; 9]. Образ коня Аксала из детства поэта выступает перед нами, как образ живого человека: “В мою жизнь Аксал вошёл не четвероногой бессловесной тварью, а Божьим созданием с высокой умной душой. В тяжёлые свои минуты я стараюсь думать о самых любимых, самых верных и надёжных моих друзьях, и среди них вспоминаю Аксала. В такие минуты он — опора и отрада моей душе...” [10; 17]. В фольклорной традиции народа конь всегда выступает верным помощником, священным животным, другом, советчиком для человека. А.М.Сулейманов обращает внимание на то, что в эпосе “Урал батыр” Айхылыу дарит батыру Акбузата, делая вывод о том, что первыми приручили коней женщины [16]. В этом русле тонкие эзотерические чувства Мустая Карима также требуют особого исследования. Маленький Мустафа сильно переживает, когда их коня Аксала

передали колхозу, а конь после этого “обиделся” и даже ни разу не повернул головы в сторону их дома. А сцена гибели коня от руки Хальфетдина потрясает своим трагическим пафосом. У башкир и других народов конь является священным животным, защитником людей от зла, болезней и несчастий. Считалось, что конский глаз наделён сверхъестественной способностью видеть скрытое от человека. В качестве оберега над ульями, на кольях оград и на воротах устанавливали лошадиный череп [13; 77] и др. В эзотерической литературе кони ассоциируются со звёздным светом, на котором прибыли на землю всадники света. Ср.: Хумай, Айхылыу, Акбузат “прибыли” к башкирам с неба для манифестации человеческой жизни. Хумай и Айхылыу — дочери Солнца.

Открытость миру, тонкое чувствование, развитая интуиция свойственны Мустаю Кариму. Об этом красноречиво говорят его признания в воспоминаниях. Во время войны молодого поэта посетило внутреннее озарение: “...остро почувствовал, что народ от нас, воинов, ждёт ответа... Перед собой я видел лица заждавшихся матерей, суровых отцов, самоотверженных жён, полные надежд глаза детей. Они ждут моего именно слова, солдатского и поэтического слова. Оно им нужно. Впервые тогда я по-настоящему осознал назначение поэта, его ответственность перед людьми...” [17; 61]. В башкирской народной традиции всегда была важна роль сэсэнов — чутких “индикаторов” общественного сознания и развития. Мустай Карим был одним из них. Вообще, к процессу творчества он относился очень бережно: “...Когда пишешь, каждое слово, каждую деталь, образ, сравнение стараешься применить к месту. Кажется, что не к месту поставленное слово не то, что строчку стиха, — нарушет гармонию мира, мелодию его сбивает...” [17; 29].

В предверии развала Советского Союза и перестройки он задаётся вопросом, нужны ли он, его творчество: “...тревога, внутренние неурядицы начались более десяти лет назад. Тогда внешних поводов вроде и не было. Но непонятная тревога охватила душу. Возможно, нарушилась связь моей души с мирозданием... мой дух выпал из вращающегося круга. Я был в растерянности...” [17; 73].

В его дневниках есть и такая запись: “...Холодный, неудобный день. После обеда из Уфы позвонила Рауза. Ещё не снял трубку, как (удивительно) почувствовал: это весть о смерти. Только чьей? Она сообщила о смерти Кайсына...” [17; 28].

Согласны мы и с утверждением Мустая Карима, что “...эрозия души рождает эрозию почвы” [4; 368]. Эзотеричные свойства духа пронизывают окружающий нас мир и своими определёнными частотами, вибрациями воздействуют на почву, на ландшафт, свойства воздуха и др. Человек зависит сам от себя. Мустай Карим это знал и пропагандировал именно духовное здоровье и любовь.

Рождение замысла произведения, на наш взгляд, тоже имеет некоторое отношение к эзотеричности. Автор улавливает внутренним чутьём информационный поток, который и рождает замысел. По словам Мустая Карима, он начал “...копаться в материалах, относящихся к XVII столетию. Они меня будто отбросили ещё дальше назад. Поначалу я несколько растерялся. Но они помогли мне застолбить время и место предполагаемых событий... Удостоверившись в этом, я взялся за изучение башкирских легенд, эпических поэм, печальных обрядовых песнопений. Из них начали возникать очертания и плоть моих смутно зримых персонажей. В моём представлении постепенно сжимались столетия, в какой-то миг я увидел сгусток реальности...” [9; 350]. Здесь можно наблюдать, как Мустай Карим своим чутьём уловил поток исторической информации. Она нуждалась во

Вселенной повторной “обработки” для того, чтобы люди вновь пережили трагедийность общественных отношений и, тем самым, через духовную обработку читателей и зрителей, через перипетии персонажей “выровняли”, “отработали” этот негативный сгусток энергии. Это произведение служит для духовной очистки общества и способствует гармонизации энергетических потоков.

Таким образом, наблюдения по эзотеричному прочтению творчества и творческой биографии Мустая Карима показывают, что данное направление вполне перспективное в плане понимания и интерпретации текстов. При этом эзотеричность свойственна не только текстам Мустая Карима, но и, на наш взгляд, всему творческому процессу в целом, независимо от его вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирское народное творчество. Песни (дооктябрьский период). Уфа, 1995.
2. *Валеев Д.Ж.* Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа, 1989.
3. *Валеев И.И.* Традиции башкирского национального воспитания в творчестве Мустая Карима. Уфа, 2005.
4. *Валеев И.И.* Мустай Карим — явление мировой культуры. В 2 т. Т.2. Уфа, 2007.
5. *Имаева Е.З.* Внутреннее духовное пространство в тексте неявного смысла // Вестник Челябинского государственного университета. — Вып. 63. Серия “Филология. Искусствоведение. — 2012”. — №5 (259); *Богатырёв А.А.* Текстовая эзотеричность как средство оптимизации художественного воздействия: Дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 1996; *Соловьёва И.В.* Типология герменевтических ситуаций в действиях реципиента текста. — Тверь, 1999; *Соваков Б.Н.* Стимулирование значащих переживаний средствами текста. — Тверь, 2001 и др.
6. *Кутлумухаметов Г.Ф.* Роль фольклора в воспитании молодого актёра // Башкирский фольклор. — Вып. 5. — Уфа, 2004.
7. *Крюкова Н.Ф.* Метафора как средство понимания содержательности текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1988.
8. *Мустай Карим.* Воспоминания. Раздумья. Беседы. // Притча о трёх братьях. — М., 1978.
9. *Мустай Карим.* Притча о трёх братьях. — М., 1988.
10. *Мустай Карим.* Мгновения жизни. — Уфа, 2004.
11. *Мустай Карим.* Моя опора — удивительное в жизни // Ванкувер Экспресс. — 2009. — 5 ноября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vancouverexpress.ca>. Дата обращения 15.02.2013.
12. *Мустай Карим.* Покатилось сердце моё... — Уфа, 2011.
13. *Сагитов М.М.* Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии. — Уфа, 1984.
14. *Сиражитдинова Н.М.* Мифопоэтика башкирских песен // Песенное творчество челябинских башкир: жанровое своеобразие и поэтические особенности. Дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2009.
15. *Сиражитдинова Н.М.* Образно-поэтическая система параллелизмов в башкирских народных песнях // Песенное творчество челябинских башкир: жанровое своеобразие и поэтические особенности. Дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2009.
16. *Сулейманов А.М.* Послесловие // Башкирское устное народное творчество. — В 36 т. — Т.3. — Уфа, 1998 (на башк. яз.).
17. Уфа // Чернильница. — 2009. — №10.
18. *Хализев В.Е.* Понимание. Интерпретация. Смысл // Теория литературы. — М., 2007.
19. *Хусаинов Г.Б.* Мустай Карим (литпортрет) // Литература и наука. — Уфа, 1998.
20. *Хусаинова А.Х.* Философское исследование проблемы нравственного выбора в творчестве Мустая Карима: Дис. ... канд. филос. наук. — Уфа, 1995.
21. *Яппарова Д.М.* Пение и целительство: гармония предназначений народной педагогики // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы Междунар. науч.-практич. конференции. — Уфа, 2007.